

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.В. Болотов

**Замены понятия
на восточных языках:
письмо к свящ. М.И. Орлову**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 4. С. 633-641.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ЗАМѢНЫ ПОНЯТІЯ ΙΛΕΘΣ НА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

(Письмо къ свящ. М. И. Орлову).

Чтобы обѣщанная мною замѣтка о *передачѣ* понятія ἰλεως на восточныхъ языкахъ не приняла размѣровъ цѣлой статьи, ограничиваюсь лишь нѣсколькими мыслями по поводу Мѣ. 16, 22.

Этотъ текстъ въ высокой степени важенъ для выясненія поставленной выше скромной задачи. Когда не грекъ природный, а огреченный семить произносилъ слово ἰλεως, онъ—быть можетъ—соединялъ съ этимъ прилагательнымъ не совсѣмъ тотъ смыслъ, въ какомъ оно употреблялось у чистокровныхъ грековъ: природный семить, хотя и говорилъ по-гречески, но чувствовалъ несомнѣнно по-семитски. Слова Христовы Мѣ. 16, 21 застали апостола-галилеяна совсѣмъ неподготовленнымъ, и глубоко потрясенное чувство семита во всей непосредственности прорвалось наружу и высказано въ слѣд. словахъ ¹⁾:

Т Е К С Т	εβραϊστικῆς:	hâsa laka, igzi'o!
	αραβικῆς:	hâšâka, yâ rab'u!
	נשׁוּטָא:	has lak ^h , mar'!
		ἰλεως σοι, χυριε!
	vulgata:	absit a te, domino!
	εβραϊστικῆς:	ελεως ναχ, πα-χουτ!
	արմենական:	չաւ Լաճ չե՞ տէր!
		οὐ μὴ ἔσται σοι τοῦτο.

Вы видите, что коптскій переводчикъ во всемъ лексиконѣ своего родного языка не нашелъ подходящаго слова для воз-

¹⁾ Кому интересно знать, изъ какихъ книгъ я беру эти тексты, благоговитъ справиться въ „Хр. Чит.“ 1892, II, 138, прим. 51 (арабскій изъ de Lagarde, коптскій—изъ Evangelia coptice ed. Schwartz, Lipsiae 1846).

можно точнаго перевода слова ἵλαος и оставить его безъ перевода: εἰλαος есть испорченное въ транскрипціи греческое ἵλαος.

Три семитскіе перевода съ удивительнымъ единомыслиемъ передаютъ ἵλαος; однимъ и тѣмъ словомъ ḥāsa¹⁾—ḥāša—ḥās. Этотъ consensus повидимому ручается за то, что въ сирскомъ (пешита) угадано то арамейское слово, которое въ греческомъ текстѣ-переводѣ евангелія отъ Матѳея передано чрезъ ἵλαος; другими словами: апостолъ Петръ дѣйствительно произнесъ слова „хас лях, мар“!

Ясно, какъ ставится вопросъ. Спрашивается: что значить арамейское □□, „хас“?

Прежде всего, устранимъ одну затемняющую дѣло наружную аналогію. Тождество корня въ греческихъ ἵλαος; ἰλάσονται ἰλαστήριον безспорно. Въ *пешита* ἰλαστήριον Рим. 3, 25. Евр. 9, 5 „hūsāyā“, εἰς τὸ ἰλάσασθαι Евр. 2, 17 „d-nehwe' mḥas'e". Эти слова „хусая“ и „мхасе“ съ корнемъ „хас“ не имѣютъ въ сирскомъ ничего общаго. „Хусая“ *очистилице* и „мхасе“ *умилостивляющій* — одного корня съ сирскимъ „hāsūā“ ḥās, *преподобный*. Это „хасья“ выражаетъ мысль о святости, чистотѣ, неприкосновенности къ (худому) дѣлу, мінімум: о невмѣненіи такого дѣла. Слова Пилата (Мк. 27, 24): „невиновенъ я, ἀθῶς εἰμι, въ крови праведника сего“ *пешита* переводитъ: „mḥas'ay 'nā“.

Сирское „хас“ современные европейскіе лексикографы²⁾ согласно отождествляютъ съ арабскимъ „хаша“. Слѣдова-

¹⁾ Въ зѳіонскомъ ḥāsa (а не ḥāša) читается не только здѣсь, но и въ Дѣян. 10, 14; Рим. 3, 4. 6. 31; 6, 1. 15; 7, 7; 9, 14; Гал. 2, 17; 6, 14. И Дильманъ принимаетъ его въ этой орѳографій (ḥāsa) въ свой *Lexicon*. Къ зѳіонскому языку (gr̄iz) наиболее близокъ арабскій (а не сирскій). И если бы зѳіопъ переводилъ съ арабскаго, онъ поставилъ бы— по всей вѣроятности—ḥāša. Слѣдовательно ḥāsa повидимому показываетъ, что часть наличнаго зѳіонскаго перевода представляетъ остатокъ весьма древняго перевода, сдѣланнаго не съ арабскаго и не съ коптскаго, а съ сирскаго.—Этотъ тезисъ не новъ, но настолько важенъ для исторіи, что не излишне его высказывать при удобныхъ случаяхъ.—А для лицъ, до семитскихъ языковъ ниже копцемъ ногтя насававшихся и потому способныхъ усомниться въ тождествѣ словъ „хас—хаса—хаша“, достаточно замѣтить, что въ *коренныхъ* семитскихъ словахъ (ни въ одномъ изъ семитскихъ языковъ не заимствованныхъ изъ другого семитскаго же языка) арабской буквѣ (звуку) š (шин) должна соответствовать зѳіонская š (šayt), еврейская š (син), сирская s (семит)

²⁾ С. Brockelmann, *Lexicon Syriacum* (Berlin 1895), 106.—J. Brun S. J. *Dictionarium Syriaco-Latinum* (Beryti Phoeniciorum 1895), 147.—По

тельно въ этомъ, богатѣйшемъ изъ семитскихъ языковъ слѣдуетъ искать и ключа къ правильному пониманію коренного смысла интересующаго насъ понятія.

Въ арабскомъ ¹⁾ это „*ʿālam*“ встрѣчается—и видимо нерѣдко—въ выраженіяхъ въ родѣ

ḥāša' lillahi	}	ḥāša Bogy,
ḥāša lillahi		
ḥāša ^u lillahi		
ḥāša 'llahi		
ḥāša' laka	}	ḥāša тебѣ.
ḥāšāka		

По точный смыслъ этихъ восклицаній неизвѣстенъ и самимъ арабамъ.

а) Первостепенные авторитеты въ арабской грамматикѣ (изъ природныхъ арабовъ) спорятъ между собою о томъ, что такое это „*ḥāša*“ (въ различныхъ начертаніяхъ **حشا** **حشاه** **حشاه**): глаголь? существительное? или частица (въ родѣ нашихъ предлоговъ)?

б) Тѣ же авторитеты различно толкуютъ и смыслъ самаго восклицанія „*ḥāša lillāhi*“: по однимъ, оно равносильно-возгласу: „*ma'ād'ā 'llahi*“ = *refugium (asylum, protectionem) Dei!*, т. е. „я ищу себя заступленія (прибѣгающа) у Бога“; по другимъ,

Брѣну, однако, „*ḥāša*“, о которомъ идетъ рѣчь, есть тотъ же самый глаголь, что и сирское „*ḥāša*“, „*ḥās*“, *miseratus est, percipit*; напротивъ Брокельманъ думаетъ (вслѣдъ за Деличемъ), что глаголь „*ḥās*“ *miseratus est* происходитъ отъ корня „*ḥs*“ и съ тѣмъ „*ḥās*“, которое насъ интересуетъ, не имѣетъ ничего общаго. По моему (некомпетентному) мнѣнію, съ Брѣномъ можно бы согласиться только тогда, когда бы ему удалось доказать, что *s* (семитск.) въ глаголѣ „*ḥāša*“ = *помиловалъ* не есть *s* общесемитское, соответствующее еврейскому *s* (самек), арабскому *s* (син), гызаскому *s* (сам).

¹⁾ Данныя объ арабскомъ „*ḥāša*“ заимствую изъ „*Maddu 'l-Qāmūs An Arabic-English Lexicon derived from the best and the most copious eastern sources by E. W. Lane. London 1865. Book I, Part 2, pp. 578. 579.* Этотъ грандіозный лексиконъ конечно доступенъ лишь весьма немногимъ изъ читателей „Христіанскаго Чтенія“; поэтому значительную часть сдѣланныхъ мною выписокъ предлагаю и въ англійскомъ подлинникѣ для контроля моего перевода.

„*xâma lillâhi*“ все равно что „*barâath^a lillahi*“ ¹⁾ = *cautionem apud Deum!* въ смыслѣ: I assert myself to be free, or clear, to God, „я заявляю, что я свободенъ, или чистъ, предъ Богомъ“; по третьему объясненію, „*xâma* (𐤁𐤍𐤏) *lillâhi* значить: I ascribe unto God remoteness from every imperfection, or the like, or freedom therefrom, „я утверждаю, что Богъ далекъ отъ всякаго несовершенства или чего-либо подобнаго; что Онъ свободенъ отъ всего этого“, или—въ смыслѣ „удивленія“, admiration: „how far, or how free, is God from every imperfection!“ „о, какъ далекъ Богъ, какъ свободенъ, отъ всякаго несовершенства!“.—Не трудно придти къ выводу, что всѣ эти объясненія только приблизительно описываютъ значеніе этого „*xâma*“, представляютъ его „толкъ“, вращающійся лишь въ периферіи этого понятія.

И не въ однихъ приведенныхъ выше выраженіяхъ употребляется это *xâma*: арабъ можетъ выразиться и такъ: „*ḏbarabtuhum ḥâṣa' Zayda*“ или „*ḥâṣa' Zaydi*“, I beat them, except Zeyd, „я побилъ (поколотилъ) ихъ, исключая Зайда“, „побилъ (всѣхъ) ихъ, но только не Зайда“; и наоборотъ: „*ṣatamtuhum wa-ma ḥâṣaytu minhum aḥada*“ : „я отозвался о нихъ презрительно, I reviled them, и не сдѣлалъ исключенія ни для одного изъ нихъ“, „я оскорбилъ ихъ всѣхъ до единаго и ни объ одномъ изъ нихъ не употребилъ выраженія: «*ḥâṣa' lifulâni*», «за исключеніемъ такого-то», въ смыслѣ: «NN вовсе не включается, far is such a one from being included, въ число тѣхъ, о которыхъ я говорю», «NN свободенъ отъ всякаго упрека»“.

¹⁾ Это „*barâath(an)*“ — вѣнцительный надежъ отъ „*barâath(un)*“, которое, по [Cuche], Vocabulaire Arabe-Français (Bevrouth 1883), 21, значить: *immunité; privilège, diplôme; acquit à caution, passeport*. Печти всѣ читатели „Хр. Чт.“ знаютъ, что второе слово въ еврейской библии — בָּרָא, *barâ*, *созворилъ*; арабское имя „*barâath(un)*“ происходитъ отъ этого же самаго глагола „*bara'a*“, который и въ арабскомъ значить: *созворилъ, извелъ изъ небытія, геспрестиве: изъ ничтожества, геспрестиве: изъ бѣды (исцѣлилъ, излѣчилъ больного; освободилъ отъ чего, объявилъ невѣрнымъ подсудимаго; обезопасилъ, гарантировалъ)*. И конечно всѣ читатели слышали про султанскіе „бераты“ въ Турціи (напр. добивались такихъ „бератовъ“ для болгарскихъ епископовъ въ Македоніи); приводимое мною слово „*barâath*“ и есть „берать“, только написанный не фонетически (фонетическую орфографію, какъ извѣстно, любятъ очень тонкіе филологи съ одной стороны и еле грамотные писари съ другой). Слѣдовательно арабское восклицаніе значить буквально: „берать“ у Бога!

Въ виду всѣхъ подобныхъ выраженій арабская лексико-графія разсматриваетъ слово „ḥāšā“ ʾḤḤḤ какъ глаголѣ въ третьей формѣ (qātala) и именно verbum denominale, глаголѣ, произведенный отъ существительнаго ʾḤḤ „ḥāšā“, „сторона какого-либо предмета“, the side of a thing. Этотъ глаголѣ „ḥāšā“ означаетъ: „онъ оставилъ его въ сторонѣ, какъ изъ изъятаго изъ числа тѣхъ, кого онъ описываетъ; онъ исключилъ его изъ нихъ; онъ не включилъ его въ число ихъ“.

Но и это имя „ḥāšā“, „сторона“, — довольно своеобразнаго происхожденія. Вторая форма (qattala) разсматриваемаго глагола, „ḥāšā“ значитъ: „онъ пришилъ къ платью бордюръ, оборку“; а затѣмъ въ послѣклассической письменности: „онъ написалъ замѣтку, или комментарий, на полѣ книги“. Изъ этого конечно видно, что изъ формы qattala этого глагола можно извлечь понятіе о „сторонѣ“ въ смыслѣ „margo“. Но первая и основная форма (qatala, точнѣе: qatila) этого глагола, ḥāšīya, „ḥāšīya“ ʾḤḤ значитъ только: „онъ (человѣкъ, который бѣжалъ слишкомъ скоро или говорилъ слишкомъ быстро или громко, возбужденно) дышалъ коротко, или непрерывно, he breathed short, or unintermittedly; у него захватило духъ, he was out of breath; онъ едва могъ перевести духъ, he panted for breath“. Словомъ, первичное понятіе, выражаемое глаголомъ „ḥāšīya“, есть астматическое дыханіе, „être asthmatique“¹⁾. И существительное „ḥāšā“, сторона, значитъ также (и это значеніе едва ли не первоначальное) „астма“, „затрудненное дыханіе“²⁾. Въ самыхъ звукахъ глагола „ḥāšīya“—это, впрочемъ, лишь мое предположеніе—какъ будто слышится подражаніе свистающему дыханію астматиковъ: „х-ш-й“!

¹⁾ Cuche, 105.

²⁾ Cuche, 105: asthme; respiration pénible. Если бы, однако, авторитетными арабистами было признано, что понятіе астма въ „ḥāšīya“ есть производное, а понятіе сторона предмета (ср. наше кромка, крома, откуда получается и кромъ = за исключеніемъ)—основное; то ḥāšīya значитъ собственно: онъ ощущаетъ (болѣзненно переноситъ) предѣлъ (край, ограниченіе) въ своемъ дыханіи. По ученію de Lagarde [P. de Lagarde, Uebersicht über die im Aramäischen, Arabischen und Hebräischen übliche Bildung der Nomina, Göttingen 1889, S. 7; Mittheilungen I (Göttingen 1884), 103], форма qatila означаетъ состоянія преходящія (yabisa = онъ сухъ, но можетъ стать и влажнымъ), и производныя отъ этой формы имена neutro-passiva по своему значенію (nēr сѣтливникъ: его зажгли не испрашивая на это его благосклоннаго соизволенія, и онъ volens nolens горитъ). Когда арабъ положеніе: „онъ слышитъ“ передаетъ словомъ samīya [не

Прибавлю, въ довершеніе этой справки, что *μηδάρως* Дѣян. 10, 14 и *μη γένοιντο* Рим. 3, 4. 6. 31; 6, 1. 15; 7, 7; 9, 14; Гал. 2, 17 пешита передаетъ тѣмъ же „*хас*“, которое въ Ме. 16, 22 соотвѣтствуетъ греческому *ἴλεως*. И конечно не безъ основанія Иеронимъ, вращавшійся долго на востокѣ, это *ἴλεως* смѣло замѣняетъ латинскимъ *absit!*

Вѣроятно во всѣхъ языкахъ есть выраженія, которыя я назвалъ бы *междометіями ужаса* не по ихъ этимологической формѣ (въ этомъ отношеніи они иногда не разнятся отъ совершенно правильныхъ вводныхъ предложеній), а по тому чувству, которое овладѣло человѣкомъ, который ихъ произноситъ. Возьмите напр. выраженіе, которое когда-то стояло въ хорошо извѣстномъ всѣмъ текстѣ: „въ предупрежденіе пожара, чего Боже сохрани, съ огнемъ обращаться осторожно“. Самый характеръ текста исключаетъ всякую надобность попеченій о краснорѣчьи, и теперь вводное: *чего Боже сохрани* опущено безъ всякаго ослабленія силы рѣчи. Но мысль о пожарѣ, даже въ видѣ простой теоретической возможности, такъ ужасна, что человѣкъ гонитъ прочь отъ себя всякое ея прираженіе, хочетъ застраховать себя и противъ послѣдствій самаго соприкосновенія съ нею. Этому *чего Боже сохрани* въ обычной арабской рѣчи точно соотвѣтствуютъ возгласы: *хаша мильяхи! маъа'а'мльяхи!* = God forbid! Que Dieu en préserve! A Dieu ne plaise! Древній сиріецъ вѣроятно въ этомъ случаѣ сказалъ бы „*хас ли!*“

Очевидно къ тому же порядку принадлежатъ и возгласы: „*Спаси и сохрани!*“, „*Не пристань отъ слова!*“ и полуязыческаго „*Чуръ меня!*“.

Если „*хаша*“ въ арабской рѣчи и является частицею исключенія въ родѣ „*кромя*“, „*εἰ μή*“, то ею устраняютъ (видимо всегда?) отъ чего-либо дурного, въ родѣ побоевъ, въ родѣ позора, а не отъ хорошаго: ужасно быть „включеннымъ“ въ число тѣхъ, кого „описываютъ“ — пріятно быть „оставленнымъ въ сторонѣ“. Допущено или высказано что-то такое, что пора-

сашага, qatila, не qatala], онъ этимъ даетъ понять, что слышанціи *ощущаетъ звуки, переноситъ ихъ даже быть можетъ страданъ отъ нихъ*, потому что человѣческое ухо такъ устроено, что пассивно воспринимаетъ звуки даже когда мы ихъ не желали бы слышать. — Такъ и задыхающійся переноситъ ограниченіе въ своемъ дыханіи.

жаеть человѣка ужасомъ, душитъ его какъ кошмаръ, когда одинъ глотокъ воздуха кажется величайшимъ благомъ въ мірѣ, и человѣкъ спѣшитъ восклицаніемъ „hâša!“¹⁾ оградить отъ этого предположенія все, что ему свято и дорого.

Благоволите пересмотрѣть указанные выше случаи употребленія „xas“ въ сирскомъ. Тотъ самый апостоль, который въ Мс. 16, 22 своимъ „xas ляк, Мар!“ хотѣлъ бы оградить Своего возлюбленнаго Господа отъ самой мысли о возможности—много пострадать и умереть, въ Дѣян. 10, 14 протестующимъ „xas Мар!“ пытается отогнать отъ себя внушеніе, которое—*grîçâ facie*—глубоко возмутительно для его религіознаго чувства. Апостоль Павелъ съ неуклонною логикою—пунктъ за пунктомъ—приводитъ *ad absurdum* точку зрѣнія своихъ противниковъ. Но абсурды, имъ выводимые, весьма своеобразной природы: они потому являются нелѣпостями въ въ смыслѣ *логическомъ*, что прежде всего представляютъ изъ себя абсурды въ смыслѣ *этическомъ*. Согласиться съ ними не можетъ здравый смыслъ потому, что они нравственно возмутительны: допустить ихъ было бы преступно. И апостоль, высказавъ ихъ, тотчасъ же протестуетъ противъ нихъ (въ девяти случаяхъ) возгласомъ „xas!“.

Въ семитскомъ „xas!“ сказывается глубоко возмущенное чувство: въ арійской замѣнѣ этого „xas!“, въ греческомъ ἕλωσ, выступаетъ на первый планъ опредѣленный отгѣнокъ мысли, уже намѣченной въ переводѣ александрійскомъ (семидесяти).

Начать ротитися и клятися, катаваθερατίζειν καὶ ὀμνῶειν (Мо. 26, 74). Если въ ὀμνῶειν заключается указаніе на „твердую установку“ факта, то *катаваθερατίζειν* значитъ „подводить себя подъ анаѣму“, „накликать на себя (въ условной конечно формѣ) какое-нибудь бѣдствіе“. Значительная часть клятвъ древнихъ евреевъ имѣла характеръ „роты“. Довольно обычно „рота“ (въ болѣе развитой формѣ) состояла въ словахъ: „hâlîlâh lî mēyñwh“ (*х а л и л я* мнѣ отъ Господа), если²⁾ я сдѣлаю то-то и то-то (или не сдѣлаю того-то и того-то). При-

¹⁾ Быть можетъ первоначально оно выражало просто пожеланіе человѣку „вадохнуть“.

²⁾ Такъ въ 1 Ц. 24, 6, (7); 26, 11; 3 Ц. 21 (20), 3; ср. Нав. 22, 29. Короче: „hâlîlâh lî, l'ka, lâk, lânu“ (— мнѣ, тебѣ, намъ) въ 1 Ц. 2, 30; 2 Ц. 20, 20; Тов. 27, 5; Быт. 18, 25, ср. 44, 7; 1 Ц. 20, 9; Нав. 24, 16. Просто hâlîlâh въ 1 Ц. 14, 45; 20, 2; Тов. 34, 10.

лагательное *hālil* (отъ глагола *hīlél*) для еврея означало, по видимому, высшую мѣру ¹⁾ всего подлаго и поганого (профанум), и „рота“ очевидно имѣла слѣдующій смыслъ: пусть вмѣнить мнѣ Господь въ мерзость, въ поганство, если я сдѣлаю то-то и то-то.

Извѣстны особенности духовной жизни послѣплѣннаго иудейства, отразившіяся и на переводѣ LXX: въ немъ нигдѣ „*hālilāh*“ не передано буквально. Въ шести мѣстахъ оно замѣнено словомъ *μηδελος*, въ четырехъ—*μη γένοιτο*, въ двухъ—*μη μοι εἴη*.—Но въ трехъ ²⁾ остальныхъ мѣстахъ переводъ особый.—1 Ц. 14, 45. Сауль осуждаетъ сына своего Ионаана на смерть.—Какъ! возражаетъ народъ:—Ионаанъ умретъ сегодня,—Ионаанъ, одержавшій такую блистательную побѣду! *hālilāh*! Въ В *hālilāh* видимо опущено, въ Aac Lagarde переведено словомъ *ἄλωος*.—2 Ц. 20, 20. Иоава укоряютъ за то, что онъ намѣренъ разрушить значительный городъ въ Израилѣ.—Въ мерзость, въ мерзость мнѣ (да вмѣнится),—отвѣчаетъ Иоавъ:—*hālilāh, hālilah li*, если я уничтожу или разрушу. Въ cLagarde это *халила, халила ли* переведено *μη μοι γένοιτο*; но въ A: *ἄλωος, ἄλωος μοι*, въ B: *ἄλωος μοι, ἄλωος μοι*.—Для развитого нравственного сознанія, для скрупулезно чуткихъ совѣстей, было ясно, что не безгрѣшны такія „роты“, въ которыхъ „ротящійся“ ставитъ себя подъ анаѹему, хотя и условно,—допускаетъ, хотя только теоретически, возможность—стать мерзостью въ очахъ Господа. И переводчики опуская „роту“, замѣняютъ ее обращеніемъ къ милосердію Божію объ отпущеніи грѣха подобнаго самопроклятiя. Создается своеобразный литературный эллипсъ для передачи клятвенныхъ выраженій. Ко времени, когда арамейскій текстъ евангелiя отъ Матвея перелагали на греческій языкъ, вѣроятно этотъ эллипсъ сталъ стереотипнымъ оборотомъ рѣчи, и его примѣнили въ Мѹ. 16, 22 для замѣны сирскаго *хас*.

Армянскій языкъ, подобно персидскому и санскриту, лишь *per abusum* можно назвать „восточнымъ“: въ качествѣ представителя иранской группы, армянскій долженъ занимать мѣсто подлѣ греко-латинскаго. Мѹ. 16, 22 въ армянскомъ пе-

¹⁾ Въ cod. graecus Venetus *hālilāh* въ Быт. 18, 25; 44, 7 переведено: *βεβήλωτος*.

²⁾ Третій случай 1 Пар 11, 19 аналогиченъ съ 2 Ц. 20, 20

редано: „*χαυ* да будетъ Тебѣ, Господи!“ Тѣмъ же „*χαυ* да будетъ!“ „*χαυ* лиц!“ переведено сирское „*hās*“, respective греческое *μηδαμῶς, μή γένοιτο* въ Дѣян. 10, 14; Рим. 3, 4. 6. 31; 6, 1. 15; 7, 7; 9, 14; Гал. 2, 17; 6, 14. — Рим. 3, 25. Евр. 9, 5 *ἰλαστήριον*, resp. сирское *hāsāyā*, передано въ армян. „*χαουθιον*“; Евр. 2, 17 *εἰς τὸ ἰλάσασθαι ἡ' ἰλασθῶν*; Мо. 27, 24 *ἰθῶς*, вѣроятно же сирское *mhasāy*, „*χασαλ*“. — Что собственно значить „*χαυ*“, этого не могъ рѣшить и самъ *de-Lagarde* 1). Въ 1877 г. онъ находилъ, что не имѣеть научныхъ средствъ для того, чтобы поддержать высказанное имъ еще въ 1854 г. предположеніе, что „*χαυ*“ = санскритскому „*sva*“ и значить „*wieder zu sich selbst machen*“, „снова сдѣлать самимъ собою“.

Не все недоказуемое ошибочно. И во всякомъ случаѣ санскритское *sv* въ иранскихъ языкахъ: въ бактрійскомъ и новоперсидскомъ переходитъ въ *hw*, въ армянскомъ—въ древнѣйшей, хайканской его формациі—въ *χ*. Это—доказанный фактъ. Но тоже самое санскритское *sv* въ греческомъ или удерживается въ видѣ *σF=σφ* или же чрезъ посредство *hF=F* переходитъ въ простое *h=ʼ*, *spiritus asper*. Съ одной стороны *σν*, *σφ*, съ другой *ἑ, ἐ-αυτοῦ*. Прелльвитцъ *Ἰλαω* относитъ къ корню *slē, slā*. Но, въ виду армянскаго *χαυ*, я поставилъ бы вопросъ: твердо ли доказано существованіе этого корня *slē, slā*? (*Курциусъ*, какъ вы знаете, объ *Ἰλαω* безмолвствуетъ). Не принадлежитъ ли въ *Ἰλαω* къ корню только *ί—*, а „*—λεω*“ не представляетъ ли уже вторичнаго образованія, въ родѣ *ἀργ-α-λέος, θαρσ-α-λέος*? А это *ί—*, въ свою очередь, не есть ли *hF'ι=σφι=χαυ=sva*. *свой, собственный*? Въ своей идеѣ „умилостивленія“ великое племя аріевъ не выражаетъ ли той мысли, что человѣкъ, свой Богу по своему происхожденію: *τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν*,—своими преступленіями дѣлаетъ себя чуждымъ для своего Бога, но Богъ какъ *Ἰλαω* (такъ сказать *усвоительный*) опять можетъ признать *Своимъ* чело-вѣка, если только послѣдній самъ неотступно взываетъ къ Нему: *Твой есмь азъ*?

4 января 1897 г.

В. Болотовъ.

1) *I. de Lagarde, Armenische Studien* (Göttingen 1877), 187; 158 а. 2353: 2; 208.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки